

Цзян Шуин подсказала, что нужно использовать кровь как проводник, а волю — как мост, и делать это в момент смены дня и ночи. Эти слова стали для Линь Юньсю подобны огоньку светлячка в кромешной тьме: пусть слабому, но указывающему путь. Она вновь и вновь прокручивала их в голове, впечатывая в память, не смея забыть ни единого звука.

Смена дня и ночи — это полдень и полночь, когда инь и ян сменяют друг друга, а приливы духовной энергии становятся наиболее ощутимыми. Ей оставалось только ждать.

Следующие два дня Линь Юньсю вела себя тише обычного. За исключением необходимых дел секты, она почти не выходила из дома, посвящая всё время медитации и восстановлению сил, чтобы привести себя в идеальное состояние. Она понимала: чтобы добиться успеха, её дух должен быть предельно сосредоточен, а сила воли — кристально чистой.

Наконец наступила вторая ночь, приближалась полночь.

Небо было черным, как чернила, звезды и луна скрылись из виду, лишь горный ветер с жалобным воем проносился сквозь кроны деревьев. Убедившись, что за ней никто не следит, Линь Юньсю бесшумно покинула свое жилище. Словно легкая сизая дымка, она скользнула вглубь гор, к узкому и глухому ущелью. Здесь, среди причудливых скал, где духовная энергия была почти истощена и люди появлялись крайне редко, было идеальное место для тайного ритуала.

В глубине ущелья царила мертвая тишина, лишь отчетливее слышался свист ветра. Линь Юньсю нашла ровный валун, села на него в позе лотоса и, погрузившись в состояние пустоты, стала ждать назначенного часа.

Время тянулось медленно, но вот она почувствовала, как незримые потоки энергии вокруг начали пульсировать, словно прилив, достигая своего пика. Полночь пришла!

Линь Юньсю резко открыла глаза, и в темноте они сверкнули пугающим блеском. Не колеблясь, она сложила пальцы ножом и слегка полоснула по запястью. Алая капля крови проступила на коже, и она, не теряя ни секунды, нанесла теплую влагу на Нефритовую подвеску Синей Птицы, которую всё это время сжимала в правой руке.

Кровь не скатилась с камня, а словно впиталась в жадную губку. Поверхность прежде холодного нефрита внезапно озарилась зловещим кровавым светом!

В тот же миг Линь Юньсю пустила в ход Формулу зеркального сердца. Всю свою духовную мощь, все свои мысли, всю тоску и жажду найти отца она превратила в чистый и несокрушимый мост воли, без остатка вливая его в подвеску.

— Отец... Где ты? Ответь мне! — беззвучно взывала она в своем сердце.

Гудение наполнило воздух.

Подвеска задрожала, кровавый свет на ней то вспыхивал, то гас, яростно переплетаясь с волей Линь Юньсю. Внезапно пришло ощущение — гораздо более отчетливое, чем в прошлый раз, хотя всё еще прерываемое помехами и преградами.

Картина перед глазами вновь исказилась. Густая тьма стала прозрачнее, она даже почувствовала пронизывающий холод и мертвенное запустение того места. Очертания цепей стали четче — казалось, это был особый металл, покрытый рунами. А тот смутный силуэт...

На этот раз Линь Юньсю увидела его яснее! Фигура едва заметно шевельнулась, словно с неимоверным трудом поворачиваясь в её сторону. Лицо — измученное, бледное, осунувшееся, но в котором всё еще угадывались знакомые гордые черты — на мгновение промелькнуло в искаженном видении!

Это отец! Это действительно он! Он жив!

Дыхание Линь Юньсю перехватило, слезы готовы были хлынуть из глаз.

Однако, как только она попыталась всмотреться пристальнее, пытаясь уловить хоть звук или новые детали, случилось непредвиденное!

Видение в подвеске резко дернулось, словно его сжала чья-то невидимая рука. Холодная, злобная сила Тайных писем, закрывающих небо, внезапно усилилась. Подобно тысячам ледяных отравленных игл, она ударила в ответ, пронзая хрупкий мост воли прямо в душу Линь Юньсю!

— Угх! — Линь Юньсю глухо застонала. Ей показалось, будто в мозг вонзили тысячи раскаленных стальных игл. Боль была невыносимой, перед глазами поплыли черные круги, и связь, которую она с таким трудом установила, начала рушиться!

В этот критический момент у входа в ущелье, словно призрак, бесшумно возникла фигура в белых одеждах.

Цзян Шуин!

Её глаза по-прежнему были скрыты белой повязкой, но под тонкой тканью уже сияли стеклянные двойные зрачки. Они отражали невидимые для обычных людей черно-серые письмена, что безумно терзали душу Линь Юньсю. Цзян Шуин сложила пальцы мечом и слегка коснулась воздуха в том направлении, где тянулась связь между Линь Юньсю и подвеской.

Не было ни грохота, ни вспышек — лишь поток чистой, необъятной силы, несущей в себе нечто успокаивающее и очищающее, словно весенний дождь, пролившийся на иссохшую землю.

Разъяренная мощь Тайных писем при контакте с этой силой зашипела, словно кипяток, вылитый на снег, и странным образом замерла, утихнув на большую часть. Полностью рассеять проклятие не удалось, но это дало Линь Юньсю драгоценную передышку!

Преодолевая боль в душе, Линь Юньсю ухватила за этот миг и вложила остатки воли в рассыпающееся видение.

В то самое мгновение, когда тьма окончательно поглотила образ, она увидела, как отец из последних сил поднял руку, указывая в определенном направлении, и его губы с трудом сложились в безмолвные слова...

Связь оборвалась.

Кровавое свечение на подвеске погасло, она вновь стала холодной и безжизненной. Линь Юньсю, словно из неё вынули всю душу, выплюнула сгусток крови, лицо её стало белее бумаги, и она безвольно повалилась назад.

Но удара о камни не последовало — она упала в объятия, пахнущие холодной свежестью, которые, вопреки ожиданиям, оказались совсем не ледяными.

Цзян Шуин неведомо как оказалась рядом и подхватила её.

Линь Юньсю слабо подняла голову, глядя сквозь пелену перед глазами на белую повязку. Она хотела поблагодарить, спросить, почему та здесь, и, главное, рассказать о том, что увидела в конце, но у неё не осталось сил даже на слово.

Цзян Шуин смотрела на неё сверху вниз — под тканью повязки её выражения лица никто не мог видеть. Она протянула руку, и на кончике её пальца заискрился мягкий белый свет, который она приложила к межбровью Линь Юньсю.

Теплая и мощная энергия хлынула в тело, быстро сглаживая последствия удара по душе, и острая боль начала отступать.

— Молчи, сосредоточься и восстанови дыхание, — голос Цзян Шуин был по-прежнему холоден, но в нем проскользнула едва уловимая... тревога.

Она помогла Линь Юньсю сесть и осталась стоять рядом. Её лицо с повязкой было слегка приподнято, словно она смотрела в узкую полоску ночного неба над ущельем или же чувствовала остатки злобной ауры Тайных писем секты Тайхуа.

Линь Юньсю послушно закрыла глаза. С помощью силы, переданной Цзян Шуин, она быстро стабилизировала кровообращение и успокоила дух. В памяти, словно клеймо, застыл образ отца, указывающего путь, и его беззвучные слова.

Он указывал на запад? Или юго-запад?

Что он сказал? Узел массива? Или Тюрьма Черных Вод?

Информация была всё еще нечеткой, но по сравнению с полной неизвестностью это был огромный шаг вперед! К тому же, отец действительно жив, он заперт где-то под мощным магическим замком секты Тайхуа!

Спустя время, равное сжиганию палочки благовоний, Линь Юньсю почувствовала себя лучше. Хотя душа была еще слаба, серьезной угрозы уже не было. Она открыла глаза и увидела, что Цзян Шуин всё еще стоит на страже.

— Старшая сестра... — Линь Юньсю попыталась подняться, чтобы поклониться.

— Не нужно, — остановила её Цзян Шуин, голос её был равнодушен. — Что ты видела?

Линь Юньсю глубоко вздохнула и без утайки рассказала всё: направление, на которое указал отец, и неясные движения его губ. Сейчас её доверие к Цзян Шуин, после этой своевременной помощи и общего секрета, достигло новой высоты.

Цзян Шуин молча слушала. Помолчав, она произнесла:

— Запад... Узел массива... или Тюрьма Черных Вод...

Она повторила эти ключевые слова. За белой повязкой, скрытой от всех, в её стеклянных зрачках тысячи нитей судьбы безумно переплетались, складываясь в узоры и сопоставляясь с известными ей данными.

— На западных землях, подвластных секте Тайхуа, много известных мест. Но тех, что запечатаны Тайными письменами и могут быть связаны с узлом массива или тюрьмой... — она сделала паузу, и в её голосе промелькнул холод, — одно из них расположено на окраине Западной пустыни. Это Тюрьма Черных Вод.

Тюрьма Черных Вод!

Сердце Линь Юньсю дрогнуло. Она слышала это название — запретное место, внушающее ужас в пределах влияния секты Тайхуа. Говорили, что там держат опасных преступников и захваченных приспешников темных сил, что охрана там непроницаема, а из тюрьмы никто не возвращается живым!

Отец заточен там?!

— Благодарю вас, старшая сестра! — в порыве чувств Линь Юньсю снова хотела поклониться.

Однако Цзян Шуин слегка отстранилась, избегая поклона.

— Я тебе ничем не помогла, — её голос вновь стал отстраненным. — Этой ночью ты меня не видела, а я здесь не была. Тюрьма Черных Вод — это не то, с чем ты можешь иметь дело. Забудь об этом, сосредоточься на совершенствовании — вот единственный верный путь.

Сказав это, она не дожидаясь ответа, качнулась и исчезла, словно призрак, в темноте ущелья. Её появление было внезапным, а уход — неуловимым.

Линь Юньсю осталась сидеть на холодном камне, сжимая в руке затихшую подвеску. Ветер в ущелье пробирал до костей, но в сердце её разгоралось пламя, какого она еще не знала.

Тюрьма Черных Вод... Отец там!

Предупреждение Цзян Шуин всё еще звучало в ушах, но как она могла забыть? Как могла спокойно совершенствоваться?

Она посмотрела в ту сторону, куда исчезла Цзян Шуин, понимая: кажущаяся холодность и попытка отмежеваться — это лишь способ защиты. Она не должна подвести её, не должна подставить под удар Павильон Цюнсяо.

Путь впереди был усеян терниями, вокруг рыскали сильные враги. Но цель теперь ясна.

Она стерла кровь с уголка рта, медленно поднялась и с твердым взглядом посмотрела на запад, туда, где за грядami гор и бесконечной тьмой скрывалась тюрьма.

Какой бы страшной ловушкой ни была Тюрьма Черных Вод, она должна туда прорваться.

<http://bllate.org/book/19401/1899878>